

"Козленок в молоке" - новый роман Юрия Полякова, хорошо знакомого читателям по таким нашумевшим книгам, как "Сто дней до приказа", "ЧП районного масштаба", "Апофегей", "Демгородок" и другим. Уже до появления в печати роман был окутан слухами и домыслами. Еще бы! На сей раз писатель замахнулся на собственных товарищей по перу. "Козленок в молоке" - очень злая и смешная сатира на нравы литературной жизни. Когда в газетах появились первые фрагменты романа, начались и первые скандалы. Так, автор собирается подать в суд на сотрудника газеты "Московский комсомолец", который воспринял роман как личные мемуары Ю. Полякова и, перепутав автора с одним из героев, обвинил известного писателя в том, будто он в годы литературной молодости держал у себя на квартире бордель, активно посещаемый классиками советской литературы.

Некоторую ясность внесла публикация сокращенной версии романа в журнале "Смена" (№11 и №12 за 1995 г.). Во всяком случае вдумчивый читатель понял, что никакого борделя Поляков не содержал. Но тогда возникает другой вопрос: почему напечатан сокращенный вариант? И что же сокращают журналы в наше бесцензурное время? А чтобы читателю стало ясно, предлагаем фрагмент романа, не вошедший в публикацию журнала "Смена".

В ту ночь Витек устроил катастрофически знаменитым. Ему даже не понадобилось, как некогда Байрону, дожидаться утра. Дома, на нервной почве, он выбрал в себя глазунью из семи яиц, пакет молока, батон хлеба и рухнул в своем чуланчике, не ведая, что угрюмая его слава уже бьет в дверь здоровенной колотушкой. Эти удары мне пришлось принять на себя, о чем я, конечно, сейчас расскажу. Но сначала объяснимся...

А что, собственно, спросите вы, произошло? Ну, обозвал Витек в эфире соцреализм полупечатным словом, кстати, далеко не самым полупечатным из могучих полупечатных запасов русского языка, не говоря уже о непечатных запасах! Подумаешь, делов-то! К тому же обозвал какой-то там социалистический реализм, сомнительный творческий метод, похожий на искусственный мед, который я однажды ел в несуществующей уже ГДР. Одним словом, ерунда все это, если еще учесть, что буквально на наших с вами глазах (и на наших с вами головы) рухнула целая страна заодно с социально-эконо-

мическим строем...

Но время! - возражу я вам. Вы совершенно не учитываете время! Напомню, что описываемые мной события происходят в пору, когда

домочадцев. И с кашей вроде получилось... Как-нибудь после школы можно не прийти домой обедать, а отправиться шататься по улицам, строя глазки проезжающей мимо шоферне... Пройдет совсем немного времени, и родители, внезапно вернувшись домой из вынужденной отлучки, вдруг обнаружат свою обкурившуюся травкой дочку в постели с двумя неграми... Неужели

вы думаете, в этот миг родители поверят, что все началось с той давней поездки к родственникам и с отвергнутой тарелки геркулесовой каши?

Но именно такой геркулесовой кашей и стало для России выпущенное Витьком в эфир уже известное вам словечко. Конечно, об этом никто сейчас и не вспоминает. Но я зываю к вашей памяти! Вспомните давно уже закрытую - кстати, именно после того случая - передачу "Полночный гость"! Вспомните ваше потрясение! Вы не могли его забыть! Вернемся, вернемся в то безмятежно-тотальное время: вот вы полудремно раскинулись в кресле перед включенным телевизором - и вдруг подскакиваете, услышав, каким восхитительно-срамным словом молодой писатель Акашин по телевизору обозвал постылый соцреализм, как бесшабашно он боднул пусть не устои, а всего-то один устойчивый осточертевшего режима. Боднул-таки! И не по вражьему голосу боднул, а по родному советскому телевидению... "Ну, началось! - подумали вы, - наверное, медведь в Кремле сдох. Неужели забыли? Забыли... Понимаю, с тех пор столько всего произошло, столько раз уже "начиналось"... Перевоороты устраивали, страну, как пасхальный пирог, на куски резали, по парламенту из танковых пушек собачили... Разве упоминешь такую мелочь, как Витькина выходка в ночном эфире?

Как только погасли "юпитеры" и осветители унесли лишившуюся чувств крашеную режиссершу, Стелла зарыдала и, размазывая по лицу поплавшую тушь, убежала куда-то за колодезный сруб с "журавлем". Опытная телевизионщица, она, конечно, понимала, чем ей грозит это сквернословие на всю страну! Витек пожал плечами, встал и тут же запутался в длинном проводе от "петлички", но потрясение телеперсонала было настолько велико, что никто даже не решился подойти и отстегнуть микрофон. Это пришлось сделать мне.

- Вроде я чего-то не так сказал? - настроженно спросил Витек у меня.

- Все было отлично! - фальшивым голосом успокоил я.

Горбачев уже начал мечтать о невинных демократических удовольствиях, но еще не решился скинуть со своих румяных щек пояс марксистско-ленинского целомудрия. Однако жажда принципиально новых ощущений уже бурлила в нем и для начала вылилась в полусухой закон и средневековые гонения на законно выпивающих после работы граждан. Этот первородный - в условиях нашего отечества - грех до самого конца тяготел над Михаилом Сергеевичем и в конечном итоге предопределил крах всех его реформ.

А еще Горбачев стал выезжать за рубежи - и это тоже имело далекие последствия. В сущности, он был похож на девочку-подростка, которую строгие родители впервые свозили в гости к родственникам, и там эта отроковица, перепознакомившись с кузинами, вдруг с завистью узнала, что они, оказывается, давно уже курят и целуются с мальчиками. И девочке страшно захотелось стать похожей на своих раскованных кузин. Но как? При таких строгих и неумолимых родителях, при таком сурово-размеренном внутрисемейном быте это невозможно! Но хитрая девочка все же сообразила: начать надо с мелочей. Например, отказаться от утренней тарелки геркулесовой каши, какую безропотно лопают в их семье по утрам уже четвертое поколение